

К вопросу о потерях русской армии в Бородинском сражении

Вопрос о потерях сторон в Бородинском сражении в литературе не закрыт и до сих пор остается дискуссионным. Одним из первых опубликовал цифры русских потерь при Бородино К.Ф. Толь в 1822 г. По его данным они составляли убитыми и ранеными (без учета пропавших без вести) «25000 человек, около 800 штаб- и обер-офицеров и 13 генералов»ⁱ. А. И. Михайловский-Данилевский называл цифру русских потерь уже более 55 тыс. человек, включая потери пропавшими без вести. М. И. Богданович придерживался других данных – 44-46 тыс. чел., которые П.А Жилин и Н.А. Троицкий признавали близкими к истине. Л. Г. Бескровный оперировал показателями, взятыми из сентябрьской ведомости потерь 1-й и 2-й Западных армий – 38,5 тыс. человекⁱⁱ. Таким образом, разброс в оценках русских потерь в отечественной историографии весьма существенен около 30 тыс. человек. И это не случайно, так как вопрос о численном составе русских войск после сражения и потерях, понесенных русской армией при Бородино, остро стоял перед командованием сразу после сражения.

Так, М.И. Кутузов 27 августа отдает приказ о представлении сведений о численном составе корпусов и артиллерийских частей «хоть примерно, доставить в дежурство мое перечневые ведомости»ⁱⁱⁱ.

Единственными архивными документами, отразившими русские потери при Бородино, которые введены в научный оборот, являются не датированные (в литературе принято их считать сентябрьскими) ведомости потерь 1-й и 2-й армии. Эти ведомости были полностью опубликованы в 1954 и 1962 г.^{iv}, а частично – в 1912 году. Следует

отметить, что ряд отечественных исследователей с недоверием относятся к достоверности их показателей. Приведенные в ведомостях отдельные данные можно оспорить, можно дополнить их показатели по нескольким воинским частям, но не брать в расчет и не отталкиваться от показателей «сентябрьских» ведомостей в суждениях о потерях русской армии в Бородинском сражении вряд ли является продуктивным.

Есть способ проверить достоверность показателей «сентябрьских» ведомостей. По мнению известного статистика Б.И. Урланиса, зная количество офицерских потерь в данном сражении и установив соотношение солдатского и офицерского состава, можно определить и солдатские потери.

Так как соотношение между численностью офицеров и солдат довольно устойчивое, расчет потерь по такому методу может считаться вполне допустимым и дает близкое приближение к действительным потерям ⁴. Теперь обратимся к цифрам. Нам известно, что 24 августа русские регулярные войска насчитывали 123,5 тыс. человек из них по нашим данным 4400 офицеров. Следовательно, на одного офицера приходилось в среднем 27 солдат. Нам известно, что офицерские потери русской армии составляли 211 убитыми и 1184 ранеными. Отсюда несложно рассчитать, что солдатские потери составили 5697 убитыми и 31968 ранеными, а общие потери, включая офицерский состав, составили 5908 убитыми, 33152 ранеными – всего 39060 человек, к тому же известно, что в плен попало не более 1000 человек. Таким образом, по нашим подсчетам общие потери русских регулярных войск 24-26 августа при Бородино составили около 40 тыс. чел. Что близко к показателям «сентябрьской» ведомости в 38,5 тыс. генералов, офицеров и солдат убитыми, ранеными и без вести

пропавшими. Причем количественные показатели сентябрьских ведомостей можно увеличить до 39–39,5 тыс. человек за счет неучтенных в них потерь офицерского состава и потерь Литовского уланского полка и 4-х сводно-гренадерских батальонов. Интересно, что данные наших расчетов по потерям русской армии примерно равны, по подсчетам В.Н. Земцова, потерям в сражении Великой армии (между 35586 и 41517, усреднено – 38, 5 тыс. человек убитыми и ранеными)^v.

Разность показателей «сентябрьских» ведомостей с нашими расчетными показателями по убитым солдатам в 3564 человек (9261 убитых солдат по «сентябрьской» ведомости и 5697 убитых солдат по нашим расчетам) можно объяснить тем обстоятельством, что в «сентябрьской» ведомости в число убитых попали раненые солдаты оставленные на поле боя без медицинской помощи.

Разность наших расчетных показателей с показателями «сентябрьской» ведомости по раненым солдатам в 13746 человек (31968 раненых солдат по нашим расчетам и 18222 человек по «сентябрьской» ведомости) объясняется тем, что в «сентябрьской» ведомости многие раненые солдаты оставленные на поле были учтены как пропавшие без вести или убитые. Таким образом, солдат русской армии в количестве 13 746 человек вполне возможно отнести к тем раненым, которые были оставлены умирать без медицинской помощи на поле битвы. Общее количество оставшихся навечно в бородинской земле русских офицеров и солдат можно определить цифрой в 19,7 тыс. (13746 оставленных раненых солдат + 5697 убитых солдат + 211 убитых офицеров).

Здесь уместно вспомнить слова из письма М.И. Кутузова Ф.В. Ростопчину от 27 августа «Раненые и убитые воины остались на поле сражения без всякого призрения»^{vi}. В мемуарной литературе также

имеется ряд свидетельств этой трагедии. Причем подобные явления на полях сражений того времени были скорее не исключением, а закономерностью. Проблема оказания первой помощи на поле боя и транспортировка с него раненых была актуальна в то время для всех воюющих армий. Раненые тысячами оставались на поле сражения под Аустерлицем. После битвы при Эйлау в 1807 г. в Кенигсберге скопилось 18 тыс. раненных русских, пруссаков и французов, помощь которым была оказана лишь на третий день. В Вайсенфельде (после сражения при Люцене в 1813 г.) раненые французские солдаты по 3-4 дня валялись на площадях. Особенно тяжелым положение раненых Наполеоновской армии было во время похода 1812 г. Лазаретные фуры в условиях бездорожья часто отставали от армии, и после боя врачи не имели ни лекарств, ни перевязочных средств^{vii}. «Горе раненым, зачем они не дали себя убить, – писал интендант Великой армии Тюибюси, – несчастные отдали бы последнюю рубашку для перевязки ран; теперь у них нет ни лоскута, и самые легкие раны делаются смертельными»^{viii}. По воспоминаниям одного из участников Бородинского сражения, когда с наступлением темноты оставшиеся на поле войны стали жечь костры, то «около каждого огня... собирались раненые, умирающие, и скоро их было больше, чем нас. Подобные призракам, они со всех сторон двигались в полумраке, тащились к нам, доползали до освещенных кострами кругов. Одни, страшно искалеченные, затратили на это крайнее усилие, последний остаток своих сил: они хрипели и умирали, устремив глаза на пламя, которое они, казалось, молили о помощи; другие, сохранившие дуновение жизни, казались тенями мертвых»^{ix}. Другой участник битвы офицер наполеоновской армии Фоссен вспоминал: «Всю ночь напролет мы провели на поле сражения, стоны несчастных раненых было жалостно слушать, о каком-либо уходе за

ними или уборке их куда-либо нечего было и думать; не было даже сколь-нибудь воды вблизи».

В русской армии, как показывает наша практика исследований, проблема оказания медицинской помощи удовлетворительно была решена только для офицерского состава.

Сведения о потерях Великой армии в сражении при Бородино во французской историографии первой половины XIX в. (Шамбрэ, Меневаль, Ларрей, Солтык,) так же не отличался точностью и единодушием, где разброс показателей составлял от 22 до 30 тыс. чел. убитыми и ранеными, причем без учета пропавших без вести. По подсчетам П.-П. Денье, занимавший должность инспектора смотров в кабинете Генерального штаба приводил цифру убитых и раненых Великой армии в 28 тыс. чел. Для сравнения русские потери по «сентябрьским» ведомостям без учета, пропавших без вести составляли 29700 чел.

Интересно сравнить данные офицерских потерь в Бородинском сражении по русской и наполеоновской армии. В целом, основываясь на наших данных о потерях при Бородино русского офицерского корпуса (211 убитых, 1184 раненых и контуженых) и потерях наполеоновского офицерского корпуса (480 убитых и 1448 раненых и контуженых по данным Мартиньена^x), вполне можно сделать предположение, имея в виду метод Б.И. Урланиса, что потери Великой армии при Бородино ни как не были меньше русских, а вполне возможно и превосходили их.

В пользу вывода о бóльших потерях Великой армии, чем русской говорят, также данные из рапорта Ф.В. Ростопчину Можайского исправника Ф. Кобылина^{xi} об уборке «мертвых тел» в количестве 56811 на территории Можайского уезда с октября 1812 по май 1813 года.

Причем, цифра 56811 из-за выявленной случайной приписки необходимо уменьшить до 52048 убранных трупов павших воинов^{xii}.

Располагая документальными данными о количестве трупов, убранных на территории Можайского уезда в 1812-1813 гг. русских и наполеоновских воинов в количестве 52 тыс. человек, и нашими данными о количестве русских воинов убитых и умерших от ран при Бородино – 19,7 тыс. человек, не сложно рассчитать, что Великая армия в результате сражения потеряла убитыми и умершими от ран около 32,3 тыс. человек.

В общем количестве мертвых, убранных в 1812–1813 гг. в Можайском районе, большинство принадлежали воинам Великой армии, это объясняется тем, что русские большинство своих раненных, которым была оказана медицинская помощь, вывезли с поля, только некоторая их часть была оставлена во временном можайском госпитале. Об этом факте свидетельствуют поименные записи раненых в Бородинском сражении солдат, отложившиеся в рапортах полков русской армии за август месяц, где раненые поименно расписывались, по полковым лазаретам и госпиталям с названиями городов, в которых они находились (Москва, Калуга, Тверь и т.д.). Большинство же раненых Великой армии, которым была оказана медицинская помощь, осталось в полевых госпиталях на Бородинском поле и Можайске не только без медикаментов, но даже без пищи, о чем свидетельствуют мемуарные источники. Так что судьба большинства раненых Великой армии в битве при Москве реке, которым была оказана медицинская помощь, в конечном итоге мало, чем отличалась от судьбы тех воинов, которым эта помощь оказана не была. Капитан 30-го линейного полка Франсуа вспоминал, что через 8–10 дней после сражения умерло три четверти всех раненых, находившихся в главном амбулансе в

Колоцком монастыре^{xiii}. По свидетельству главного хирурга французской армии Д.-Ж.. Ларрей ресурсы для оказания раненым Великой армии оказались просто ничтожными, в результате чего большинство солдат так и не смогло снова встать в строй^{xiv}.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С.329.

ⁱⁱ См.: там же. С. 189-212. М.И. Кутузов, том IV, часть 1. М., 1954. С.210-218.

ⁱⁱⁱ Там же. С. 106.

^{iv} См.: *Урланис Б.И.* История военных потерь. Война и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах вв. (историко-статистическое исследование). СПб. 1998. С.77.

^v См.: *Земцов В.Н.* Великая армия наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург 2001. С. 452.

^{vi} Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 106.

^{vii} *Урланис Б.И.* Указ. соч. С. 95.

^{viii} *Бернацкий Н.* Устройство военно-санитарной части. Болезни и их лечение у воюющих сторон во время Отечественной войны // Военно-исторический сборник, № 3, 1913. С. 224.

^{ix} Там же. С. 225.

^x См.: *Земцов В.Н.* Указ. соч. С.452.

^{xi} ЦГИА г. Москвы, ф.16, оп.3, д. 2867, л.38.

^{xii} См.: НВА ГБВИМЗ, оп.1 (ОВ), д.603 (а). *Суханов А.А.* Места захоронения на Бородинском поле участников Бородинского сражения и их мемориализация. Бородино 1997.

^{xiii} См.: *Земцов В.Н.* Указ. соч. С.426-427.

^{xiv} Там же. С.10.